

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ КАК ФОРМА СОПРОТИВЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЕ В АНТИУТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ

Рахмонов Азизхон Боситхонович

Доктор педагогических наук, профессор

Узбекский государственный университет мировых языков

Узбекистан, г. Ташкент

XX–XXI ASRLAR ANTIUTOPIK ADABIYOTIDA AYOL OBRAZI TOTALITAR TIZIMGA QARSHILIK SHAKLI SIFATIDA

Raxmonov Azizxon Bositxonovich

Pedagogika fanlari doktori, professor

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

O'zbekiston, Toshkent

THE FEMALE IMAGE AS A FORM OF RESISTANCE TO THE TOTALITARIAN SYSTEM IN DYSTOPIAN LITERATURE OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich

Doctor of Pedagogical Science, Professor

Uzbekistan State World Languages University

Uzbekistan, Tashkent

Аннотация. В статье рассматривается женский образ как художественная форма сопротивления тоталитарной системе в антиутопической литературе XX–XXI веков. Актуальность исследования определяется возрастающим интересом современного литературоведения к гендерному измерению антиутопии и к механизмам, посредством которых художественный текст фиксирует столкновение личности с репрессивной властью. Цель работы состоит в выявлении типологии женских образов сопротивления и в описании эволюции их функций от классической антиутопии к критической дистопии рубежа веков. Материалом послужили романы Е.И. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», М. Этвуд «Рассказ служанки» и «Заветы», Т.Н. Толстой «Кысь», а также молодежная дистопия С. Коллинз «Голодные игры». Методологическую основу составляют сравнительно-типологический, историко-литературный и структурно-семантический методы, дополненные инструментарием гендерной критики и теории биополитики. В результате выделены четыре модели женского сопротивления: эротико-телесная, мнемоническая, нарративно-свидетельская и активистская. Показано, что женское тело, память и

речь выступают в антиутопии пространствами, которые тоталитарная система стремится колонизировать и которые одновременно становятся источниками несогласия. Установлено, что в литературе XXI века сопротивление героини смещается от индивидуального бунта к коллективному и документальному свидетельству, однако сопровождается новыми формами медиатизации протеста. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах истории русской и зарубежной литературы, гендерной поэтики и теории жанра.

Annotatsiya. Maqolada ayol obrazi XX–XXI asrlar antiutopik adabiyotida totalitar tizimga qarshilikning badiiy shakli sifatida ko'rib chiqiladi. Tadqiqotning dolzarbligi zamonaviy adabiyotshunoslikning antiutopiyaning gender o'lchoviga hamda badiiy matn shaxs va repressiv hokimiyat to'qnashuvini qayd etadigan mexanizmlarga bo'lgan qiziqishining ortib borayotgani bilan belgilanadi. Ishning maqsadi qarshilik ko'rsatuvchi ayol obrazlari tipologiyasini aniqlash hamda ularning vazifalari klassik antiutopiyadan asrlar chegarasidagi tanqidiy distopiyagacha bo'lgan evolyutsiyasini tavsiflashdan iborat. Tadqiqot materiali sifatida Ye.I. Zamyatinning «Biz», J. Oruellning «1984», M. Etvudning «Xizmatkor ayol hikoyasi» va «Vasiyatlar», T.N. Tolstoyaning «Kis» romanlari hamda S. Kollinzning «Ochlik o'yinlari» yoshlar distopiyasi olindi. Metodologik asosni qiyosiy-tipologik, tarixiy-adabiy va struktur-semantik metodlar tashkil etadi, ular gender tanqidi va biosiyosat nazariyasi vositalari bilan to'ldirilgan. Natijada ayol qarshiligining to'rt modeli ajratildi: erotik-tanaviy, mnemonik, narrativ-guvohlik va faollik modeli. Ayol tanasi, xotirasi va nutqi antiutopiyada totalitar tizim egallab olishga intiladigan, ayni paytda esa norozilik manbaiga aylanadigan makonlar ekani ko'rsatildi. XXI asr adabiyotida qahramon ayolning qarshiligi individual isyondan jamoaviy va hujjatli guvohlikka qarab siljishi, biroq bu jarayon norozilikni mediatizatsiyalashning yangi shakllari bilan kechishi aniqlandi. Tadqiqot natijalaridan oliy ta'limda rus va xorijiy adabiyot tarixi, gender poetikasi va janr nazariyasi kurslarida foydalanish mumkin.

Abstract. The article examines the female image as an artistic form of resistance to the totalitarian system in dystopian literature of the 20th–21st centuries. The relevance of the study is determined by the growing interest of contemporary literary scholarship in the gender dimension of dystopia and in the mechanisms through which a literary text records the confrontation between the individual and repressive power. The aim of the study is to identify a typology of female images of resistance and to describe the evolution of their functions from classical anti-utopia to the critical dystopia of the turn of the century. The material includes Ye.I. Zamyatin's «We», G. Orwell's «Nineteen Eighty-Four», M. Atwood's «The Handmaid's Tale» and «The Testaments», T.N. Tolstaya's «The Slynx», as well as S. Collins's young adult dystopia «The Hunger Games». The methodological framework combines comparative typological, historical literary and structural semantic methods, supplemented by the tools of gender criticism and the theory of biopolitics. As a result, four models of female resistance are identified: erotic corporeal, mnemonic, narrative testimonial and activist. It is shown that the female body, memory and speech function in dystopia as spaces that the totalitarian

system seeks to colonize and that simultaneously become sources of dissent. It is established that in 21st century literature the heroine's resistance shifts from individual rebellion to collective and documentary testimony, yet is accompanied by new forms of the mediatization of protest. The results may be used in university courses on the history of Russian and foreign literature, gender poetics and genre theory.

Ключевые слова: *антиутопия, дистопия, тоталитаризм, женский образ, сопротивление, гендерная поэтика, биополитика, телесность, культурная память, нарратив свидетельства, критическая дистопия, сравнительно-типологический анализ.*

Kalit soʻzlar: *antiutopiya, distopiya, totalitarizm, ayol obrazi, qarshilik, gender poetikasi, biosiyosat, tanaviylik, madaniy xotira, guvohlik narrativi, tanqidiy distopiya, qiyosiy-tipologik tahlil.*

Keywords: *anti-utopia, dystopia, totalitarianism, female image, resistance, gender poetics, biopolitics, corporeality, cultural memory, testimonial narrative, critical dystopia, comparative typological analysis.*

Введение

Антиутопия, сложившаяся в XX веке как один из наиболее репрезентативных жанров литературы катастрофического опыта, традиционно осмысливается через оппозицию личности и государства. Однако в последние два десятилетия в мировом литературоведении обозначился сдвиг исследовательского внимания: от анализа институциональной архитектуры вымышленных режимов к изучению того, каким образом субъект, подвергаемый тотальному контролю, сохраняет способность к несогласию. В этой перспективе особую значимость приобретает женский образ, поскольку именно женское тело, репродуктивная функция, интимная сфера и память оказываются в антиутопии первоочередными объектами государственного присвоения. Г. Клейс, реконструируя историю дистопической традиции, подчеркивает, что тоталитарный проект неизменно стремится упразднить границу между частным и публичным, превращая сферу привязанности в зону политического надзора [1, с. 359]. Следовательно, героиня, отстаивающая право на чувство, телесную автономию или собственную речь, объективно становится носителем политического сопротивления, даже если сама не осознает этого.

Научная проблема состоит в том, что женский образ в антиутопии долгое время интерпретировался преимущественно как сюжетный катализатор мужского прозрения (I-330 у Е.И. Замятина, Джулия у Дж. Оруэлла), тогда как его самостоятельная концептуальная функция оставалась недостаточно описанной. Цель статьи заключается в выявлении типологии женских образов сопротивления в антиутопической литературе XX–XXI веков и в определении векторов их эволюции. Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить теоретическое содержание понятий «антиутопия», «дистопия» и «критическая дистопия»;

проанализировать отечественные и зарубежные подходы к гендерному измерению жанра; на материале романов Е.И. Замятина, Дж. Оруэлла, М. Этвуд, Т.Н. Толстой и С. Коллинз выделить и охарактеризовать модели женского сопротивления.

Таким образом, актуальность темы обусловлена как внутренней логикой развития жанра, так и запросом современной гуманитарной науки на изучение механизмов субъектности в условиях тотального контроля. Женский образ рассматривается в работе не как частный мотив, а как структурный элемент антиутопического конфликта.

Теоретические основы

Терминологическая неоднородность остается одной из ключевых трудностей изучения жанра. В англоязычной традиции закрепился термин «dystopia», тогда как отечественное литературоведение чаще использует понятие «антиутопия», нередко разграничивая эти категории по степени полемичности по отношению к утопическому канону. Л.Т. Сарджент предлагает рассматривать утопизм как широкое поле «социального мечтания», внутри которого дистопия представляет негативную модель общества, задуманную автором как предупреждение современнику [2, с. 8]. Принципиальное значение для настоящего исследования имеет концепция критической дистопии, развиваемая Т. Мойланом и Р. Бакколини: в отличие от классических образцов, завершающихся поражением героя, критическая дистопия сохраняет внутри текста утопический анклав, то есть пространство надежды, открывающее перспективу социальной альтернативы [3, с. 13]. Именно героиня в литературе последней трети XX века нередко становится хранительницей такого анклава.

Отечественная теория жанра развивалась в несколько ином направлении. А.Н. Воробьёва рассматривает антиутопию как метажанровое образование, ядро которого составляет конфликт «естественного» человека и искусственно сконструированного социума, а сам жанр осмысливается как диалог с утопическим каноном [4, с. 12]. Б.А. Ланин, анализируя продуктивность замятинской традиции, показывает, что в русской антиутопии рубежа XX–XXI веков устойчиво воспроизводятся мотив любви как нарушения государственного порядка и мотив памяти как источника инакомыслия [5, с. 52]. Эти наблюдения позволяют утверждать, что сопротивление в антиутопии изначально имеет не столько политико-идеологическую, сколько антропологическую природу: оно вырастает из защиты элементарных человеческих способностей, которые система объявляет избыточными.

Для осмысления женского образа продуктивна также теория перформативности Дж. Батлер. Исследовательница показывает, что тела, появляясь в публичном пространстве вопреки запрету, уже самим фактом своего присутствия осуществляют политическое высказывание, не нуждающееся в развернутой словесной программе [6, с. 18]. Антиутопический текст в этой оптике предстает как сцена, на которой телесность героини функционирует как перформативный жест несогласия, а униформа, ритуал и регламент выступают инструментами нормализации, которым этот жест противостоит.

Биополитическая перспектива дополняет данную модель: власть в антиутопии управляет не только поступками, но и самой жизнью, ее рождением, продолжением и смертью, а потому женщина как субъект репродукции оказывается в эпицентре политического конфликта.

Теоретическая база исследования опирается на синтез зарубежной концепции критической дистопии и отечественной метажанровой теории антиутопии. Дополнение их категориями перформативности и биополитики позволяет рассматривать женскую телесность, память и речь как самостоятельные формы политического действия.

Анализ исследований

Зарубежная историография вопроса наиболее полно представлена работами, посвященными творчеству М. Этвуд. Ф. Толан доказывает, что «Рассказ служанки» вступает в полемику не только с патриархальным фундаментализмом, но и с теми течениями феминизма второй волны, которые рассматривали женское тело преимущественно как объект защиты, а не как источник агентности [7, с. 145]. Сама писательница в эссеистике подчеркивает, что ни одна из репрессивных практик Галаада не была ею изобретена: каждая имеет исторический прецедент, что придает роману квазидокументальное основание [8, с. 88]. Сборник под редакцией Ф. Виейры фиксирует расширение жанровых границ дистопии в сторону кинематографа и театра и показывает, что дистопические образы, в том числе женские, становятся визуальными знаками общественного протеста XXI века [9, с. 4].

Отдельное направление составляют исследования молодежной дистопии, получившей широкое распространение после 2008 года. Коллективная монография под редакцией С.К. Дэй, М.А. Грин-Бартит и А.Л. Монтц специально посвящена женскому бунту и демонстрирует, что героиня подростковой дистопии наследует классическим образцам, однако ее сопротивление нередко оказывается амбивалентным: оно одновременно разрушает и воспроизводит конвенциональные модели женственности [10, с. 3]. Б. Басу, К. Броуд и К. Хинц указывают, что популярность подобных текстов связана с изоморфизмом сюжета взросления и сюжета политического пробуждения, благодаря которому индивидуальная инициация героини прочитывается как коллективная [11, с. 2].

В отечественной науке женский образ в антиутопии исследовался преимущественно в рамках анализа отдельных произведений. В.К. Кантор, интерпретируя роман «Мы» как контрутопию, акцентирует иррациональное начало, которое вносит в рационализированный мир Единого Государства героиня I-330, и связывает это начало с европейской антропологией свободы [12, с. 112]. Б.А. Ланин прослеживает, каким образом замятинская модель героини, соединяющей соблазн и бунт, трансформируется в современной русской прозе, приобретая черты пародии и самоиронии [5, с. 57]. Вместе с тем систематического сопоставления русской и англоязычной традиций в аспекте женского сопротивления до настоящего времени не предпринималось, что определяет научную новизну настоящей работы.

Анализ исследований показывает, что зарубежная наука сосредоточена прежде всего на гендерной агентности и жанровой гибридизации, а отечественная на философско-антропологическом содержании образа. Объединение этих перспектив позволяет преодолеть фрагментарность имеющихся интерпретаций.

Методология

Исследование опирается на комплекс взаимодополняющих методов. Сравнительно-типологический метод позволил сопоставить героинь разных национальных литератур вне зависимости от наличия прямых генетических связей между текстами. Историко-литературный метод обеспечил выявление эволюции образа на протяжении столетия: от романа «Мы» (1920) до «Заветов» (2019). Структурно-семантический анализ применялся для описания функций героини в сюжетной и пространственно-временной организации текста, прежде всего в оппозициях «внутри стены / за стеной», «прошлое / настоящее», «официальный документ / частное свидетельство». Гендерная критика и биополитическая оптика дали возможность интерпретировать телесность, репродуктивность и речь героини как политически нагруженные категории.

Р. Левитас рассматривает утопию как метод «воображаемой реконструкции общества» и предлагает три модуса анализа: археологический, онтологический и архитектурный [13, с. 153]. Данная модель была адаптирована к задачам исследования: археологический модус соотносится с реконструкцией репрессивной системы, онтологический с анализом субъектности героини, архитектурный с выявлением тех альтернативных социальных форм, которые героиня своим поведением утверждает. Критериями выделения модели сопротивления служили доминирующий ресурс несогласия (тело, память, слово, коллективное действие), степень осознанности бунта и его сюжетный итог.

Многоуровневая методология обеспечивает переход от описания отдельных образов к их типологизации. Адаптированная трехмодусная модель позволяет соотнести индивидуальный жест героини с образом общества, который этот жест имплицитно содержит.

Результаты

Первая модель, эротико-телесная, сформирована в классической антиутопии первой половины XX века. В романе Е.И. Замятина I-330 нарушает регламент Единого Государства через запретные удовольствия: алкоголь, курение, старинную одежду, неупорядоченную страсть. Ее тело становится пространством, в котором разрушается математически выверенная «счастливая несвобода». Параллельно О-90, решившаяся на непозволенное материнство, воплощает природную форму протеста: она отказывается отдать ребенка государству и уходит за Зеленую Стену. У Дж. Оруэлла Джулия трактует сексуальность как акт неповиновения, полагая, что Партия стремится присвоить энергию инстинкта и переплавить ее в ненависть. Однако сопротивление героинь этой модели оказывается обреченным: система способна поглотить телесный бунт, поскольку он не опирается ни на память, ни на слово.

Вторая модель, мнемоническая, связана с хранением запрещенного прошлого. Тоталитарный режим в антиутопии стремится к монополии на историю, и героиня, удерживающая память о «времени до», подрывает легитимность настоящего. В «Рассказе служанки» повествовательница постоянно возвращается к воспоминаниям о дочери, муже и матери; эти фрагменты образуют контрархив, противостоящий официальной версии истории Галаада. В «Кыси» Т.Н. Толстой мотив памяти разработан в гротескно-ироническом ключе: культурная память сохраняется лишь «прежними», а женские персонажи вовлечены в ее профанацию, что обнажает уязвимость памяти перед властью невежества и тем самым смещает акцент с героического сопротивления на трагедию его невозможности.

Третья модель, нарративно-свидетельская, предполагает, что сопротивление осуществляется через сам акт повествования. Рассказ служанки, записанный на кассеты и впоследствии реконструированный историками, превращает частное свидетельство в документ, переживший режим. В «Заветах» М. Этвуд разворачивает эту модель в полифонию: три женских голоса, включая голос тетки Лидии, создают коллективный документ, который становится одной из причин падения теократии. Показательно, что Лидия, будучи соавтором системы, использует ее архив против нее самой, что демонстрирует сложность женской агентности в условиях вынужденного соучастия.

Четвертая модель, активистская, характерна для дистопии XXI века и прежде всего для молодежной прозы. Китнисс Эвердин в трилогии С. Коллинз из участницы телевизионного зрелища превращается в символ восстания. Ее тело вновь становится политическим знаком, однако уже в медиатизированном пространстве, где образ протеста одновременно производится повстанцами и эксплуатируется властью. Героиня осознает, что ее несогласие превращено в пропагандистский ресурс обеих сторон, и финальный жест неподчинения направлен уже не против конкретного режима, а против самой логики использования человека как символа.

Рис. 1. Женское сопротивление в антиутопиях оказывается неэффективным

Выявленные модели отражают последовательное смещение ресурса сопротивления от тела к памяти, затем, к слову, и, наконец, к коллективному действию. Каждая последующая модель не отменяет предыдущую, а включает ее в более сложную конфигурацию.

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с тезисом о трансформации классической антиутопии в критическую дистопию [3, с. 15]. Если в романах Е.И. Замятина и Дж. Оруэлла поражение героини предопределено и подчеркивает всевластие системы, то в текстах М. Этвуд финал размыкается: эпилоги обоих романов, стилизованные под материалы научных симпозиумов, свидетельствуют о падении Галаада и о том, что женский голос пережил режим. Тем самым утопический анклав локализуется не в пространстве, как Зеленая Стена у Е.И. Замятина, а во времени и в тексте, то есть в способности свидетельства дойти до будущего читателя.

Вместе с тем необходимо учитывать амбивалентность сопротивления. Активистская модель молодежной дистопии, как показывают исследователи, нередко сопряжена с коммерциализацией бунта [10, с. 7]. Героиня, ставшая символом, рискует превратиться в медийный бренд, что воспроизводит логику спектакля, против которой она выступала. Этот вывод корректирует оптимистическую интерпретацию жанровой эволюции: расширение агентности героини сопровождается ростом ее медиатизации, а следовательно, и новыми формами контроля.

Специфика русской традиции проявляется в том, что женское сопротивление осмысливается скорее в метафизическом и культурологическом, чем в правовом ключе. Интерпретация I-330 как носительницы иррациональной свободы [12, с. 114] и иронические женские образы Т.Н. Толстой свидетельствуют о склонности русской антиутопии к философской проблематике, тогда как англоязычная дистопия

ориентирована на биополитические и правовые аспекты, прежде всего на репродуктивные права. Справедливо заключение Г. Клейса о том, что дистопия рубежа веков все чаще изображает не централизованное государство, а рассеянные формы контроля [1, с. 447]; в этом контексте женское сопротивление приобретает характер микрополитики повседневности.

Обсуждение показывает, что эволюция женского образа сопротивления не является линейным прогрессом. Возрастание субъектности героини сопровождается новыми формами ее инструментализации, а национальные традиции задают различные смысловые акценты сопротивления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что женский образ в антиутопической литературе XX–XXI веков выполняет не вспомогательную, а системообразующую функцию: через него жанр артикулирует границы тоталитарной власти и пределы ее способности присвоить человеческую жизнь. Выделенные четыре модели, эротико-телесная, мнемоническая, нарративно-свидетельская и активистская, образуют исторически последовательную, но не взаимоисключающую типологию. Классическая антиутопия делает ставку на телесный бунт, неизбежно поглощаемый системой; критическая дистопия конца XX века переносит центр тяжести на память и свидетельство, сохраняющие утопический анклав; дистопия XXI века выводит героиню в пространство коллективного действия, одновременно обнаруживая риски медиатизации протеста.

Теоретическая значимость работы заключается в интеграции отечественной метажанровой теории антиутопии с зарубежной концепцией критической дистопии и гендерной теорией перформативности. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов в преподавании истории русской и зарубежной литературы, а также в спецкурсах по теории жанра и гендерной поэтике. Перспективы исследования связаны с привлечением материала восточных и тюркоязычных антиутопий, а также с изучением женского сопротивления в цифровых и сериальных формах дистопического нарратива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Claey's G. Dystopia: A Natural History. A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. Oxford: Oxford University Press, 2017.
2. Sargent L.T. Utopianism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
3. Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan, R. Baccolini. Oxford; Bern: Peter Lang, 2007.
4. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2006.

5. Ланин Б.А. Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия // Acta Slavica Iaponica. 2011. Т. 29. С. 49-63.
6. Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2015.
7. Tolan F. Margaret Atwood: Feminism and Fiction. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007.
8. Atwood M. In Other Worlds: SF and the Human Imagination. New York: Nan A. Talese; Doubleday, 2011.
9. Dystopia(n) Matters: On the Page, on Screen, on Stage / ed. by F. Vieira. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
10. Female Rebellion in Young Adult Dystopian Fiction / ed. by S.K. Day, M.A. Green-Barteet, A.L. Montz. Farnham: Ashgate, 2014.
11. Contemporary Dystopian Fictions for Young Adults: Brave New Teenagers / ed. by B. Basu, K.R. Broad, C. Hintz. New York: Routledge, 2013.
12. Кантор В.К. О сошедшем с ума разуме: к пониманию контрутопии Е.И. Замятина «Мы» // Челябинский гуманитарий. 2011. № 1 (14). С. 110 и сл.
13. Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013.